

Пётр Бильдер

Старый двор на Фонтанной

18+

Пётр Бильдер

Старый двор на Фонтанной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64053536

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта книга о судьбах реальных людей, поставленных жизнью перед проблемой выбора между любовью и ненавистью, верностью и предательством, состраданием и жестокостью. Прочтите эту книгу, быть может, она поможет вам разобраться в себе, Читатель...

Содержание

пролог	5
часть 1. время надежд	8
глава 1	8
глава 2	15
глава 3	21
глава 4	24
глава 5	29
глава 6	33
глава 7	39
глава 8	44
глава 9	52
глава 10	54
глава 11	58
глава 12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Пётр Бильдер

Старый двор на Фонтанной

«Что было, то и будет, что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Екклесиаст 1:9 –10)»

пролог

Над Митрополем высоко в небе плыли призрачные нити. Сплетаясь, они опускались на город, накрывая его паутиной сотканной из прошлого памяти.

От безводного уже много лет фонтана на площади, от гомона базара вверх к далёким руинам скифского Неаполя, вилась улочка Фонтанная. Где-то в её середине, под старой акацией в тени высились выцветшие, когда-то зеленые ворота, а рядом в стене пряталась маленькая калитка.

За ними притаился тенистый двор из трех домов.

Ближайший к воротам дом справа, Жоржа Рулева, ровесник прошлого века, с высоким цоколем, большими четырьмя окнами во двор и тремя окнами с парадным выходом на улицу.

Дом Таиновых левее от ворот был стар, но крепок. Пять окон и крыльцо во двор, уже столетие служили своим обитателям.

Замыкал двор дом «времен Очакова и покоренья Крыма», семьи Дроботко. Четыре небольших окна слепо шурились буквально в метре от земли, глядя на своих вечных соседей.

Греческая черепица крыш домов зеленела от времени.

Справа меж домами высился добротный каменный сарай, бывшая конюшня. Две разросшиеся акации, высоко поднявшие свою крону над крышами, скрывали в тени небольшой

сад абрикосов, персиков, черешни, вишни и миндаля.

... В окно столовой дома Таиновых украдкой прополз луч света и смешливо ласкал лица трех мальчиков.

– Ешь Мотл, хватит баловаться, – говорит устало бабушка Оля. Она привычно и терпеливо смотрит на одного из своих внуков. Те ведут старую и привычную игру торговли. Ненавистная манная каша стынет в тарелках перед ними.

Бабушке Оле уже много лет, едва за 50. В 39 лет она потеряла мужа на последней войне и с тех пор покорно и молчаливо занимается воспитанием внуков. Им от 6 до 9 лет. На голове бабушки седые волосы затянуты в дулю. Узкие азиатские глаза смотрят с прищуром хитро и внимательно. Она хоть и маленькая, но подвижная и настойчивая. За ней надо смотреть в оба иначе обманет.

– Ешьте дети, дам каждому по рублю, – говорит бабушка и демонстративно лезет в карман халата в поисках трех рублей.

«Да конечно, – думают внуки. – Сначала дашь, а потом забереешь. Это мы уже проходили». – Они не соблазняются и не верят. Они знают, что этот рубль будет экспроприирован, как и прежние, под благовидным предлогом и не успеешь глазом моргнуть. Нет ничего хуже подорванного доверия в узком родственном круге.

– Ладно. Не хотите, расскажу сказку. – Она прекращает демонстративные поиски в кармане. – Длинную и интересную. – Обещает она, и это похоже на правду. Внуки согла-

шаются.

Это не сказка в обычном понимании, с чудесами и прекрасными принцессами. Бабушка сказок не знает. У неё за плечами 2 класса общинной школы и батраческая жизнь в доме родного дяди до замужества на чудесном принце.

Она улыбается, задумчиво смотрит на солнечный двор за окном, а затем просто и очень искренне рассказывает о жизни, которая текла до рождения внуков, о том незаметном движении судеб близких людей, которые вплетаются в её полноводную реку.

– В старом, престаром дворе жили-поживали и добра наживали люди, как люди...

Её рассказы каждый раз каплями падают в детскую память и разбегаются волнами по океану времени, чтобы однажды, через много лет нагнать одного из них и заставить задуматься, а потом сесть и записать их так, как она себе всё представляла, только раскрасив черно-белую пленку жизни странными красками настоящего...

часть 1. время надежд

глава 1

– Тебе бы, Георгий, грамотешки поднабраться, – задумчиво улыбаясь, говорила матушка. – Не будешь учиться уму – разуму, бестолочью останешься.

– Да шо вы матушка мне про учебу талдычите? Вот батюшка наш, Силантий Миронович, два класса с коридором имеет, а вона какой хозяин! У него и магазин в центре, две лавки и наливайка на базаре. Разве ж это с классами получилось бы? – Искренне удивлялся Георгий. – Я же уже 4 класса осилил, нешто не стодиться для хозяйской жизни?

Он не хотел убеждать мать в очевидном.

Пропадая в лавке, где уже был и распорядителем и продавцом он, по его расчету, в день имел своих 10 копеек. Да этот гривенник на 30 дней, вот у него и образовывалось в месяц 3 рубля! Это на простой торговле. Да за эти деньги он мог себе позволить 200 буханок хлеба.

Будущее было светло и прекрасно, но...

Он ясно видел то время, когда босота, без дела крутившаяся вокруг рынка и за миску щей готовая на что угодно, вдруг появилась в центре города с требованиями: «Вся власть Советам»!

Жорж помнил, как в давнюю пятницу, как обычно к отцу в лавку зашел сосед – хозяин лавки напротив, Иосиф Ласкин.

Они с отцом имели обыкновение встречаться накануне шабата вдвоем, делясь новостями и планами.

– Мудрая голова Иосиф, мимо копейка не пролетит. Большого ума человек. – Говорил батюшка уважительно об этом чернобородом и крупном человеке.

Они сидели в подсобке и обсуждали жизнь. Ласкин после нескольких рюмок водки расслаблено посмотрел на батюшку и заметил, – ты, Силантий, вспомнишь еще это время, да вода стечет, одно дерьмо и останется. Главное в чем, как ты понимаешь? – Батюшка только моргал своими невинными глазами, глядя на него.

– А главное в том, что нарушен порядок вещей! Кто был никем, тому в голову заронили неправильную мысль о том, что теперь ему все можно, а это прямая дорога в ад. Вот помянешь меня еще, добром это не кончится. – Заключил Ласкин, и они еще долго сидели и обсуждали жизнь...

От накопившейся злости Жорж с силой ударил топором по чурбаку и тот разлетелся на части, заполняя конюшню запахами леса. Тяжелый топор вгрызся в колоду, утопив его в ушедший мир прожитой жизни...

В раскрытые ворота падал солнечный свет дня, освещая пространство бывшей конюшни. На стенах висели хомуты, старая упряжь и памятные еще с детства предметы ушедшего в прошлое, когда-то налаженного достатка и быта.

...Жорж Рулёв, 20 летний сын Савелия, напоминал топор, завязший в сыром бревне.

Жизнь его как бы протекала в 3-х болтовом водолазном костюме: и воздуха не хватает, и на ногах тяжелые свинцовые башмаки, и видно через круглое оконце мало, но надо двигаться сквозь толщу океанской глубины...

Природа одарила его физической мощью. Среднего роста, с шеей борца, мощными плечами и руками, он напоминал машину, упрямодвигающуюся из одной точки в другую. Он берег себя и жил с уверенностью, что жизнь его ведет к успеху и счастью.

Его отец, Савелий Миронович, был мужик со сметкой и хваткой. В начале прошлого века имел магазин в центре города, лавки, оставшийся от родителей дом в деревне Пчелиное, неподалеку от Карасубазара и этот дом на Фонтанной.

Вскоре после революции умерла от тифа мать Жоржа. Для отца это прошло незаметно – он к тому времени потерял магазин и лавки в городе и, справедливо решив, что начинать все заново не стоит, сошелся с немкой из семьи колонистов – молокан, да и вернулся в свою деревню с молодухой. Звали её Екатериной.

Она была на 20 лет моложе отца. Высокая, статная шатенка, с тяжелой косой, всегда уложенной на голове в виде строгого венка, с ясным и спокойным взглядом больших синих глаз. Белокожая, хрустящая своими многочисленными накрахмаленными нижними юбками, всегда спокойная и

невозмутимая – она впервые заставила Жоржа усомниться в своих выводах о природе людей, но, она же вернула его к своему мнению вновь: Катя была от рождения глухонемой.

– Ничего просто так не бывает. Все имеет свои причины и последствия, – вывел Жорж и успокоился.

Хорошо еще, что большой дом в городе удалось частично сохранить. Вскоре Жоржа «уплотнили», разместив в нем еще две семьи: Штейнов и Бобковых.

На смену военному коммунизму и продразверстки вернулось время инициативы и конкуренции. Началась новая экономическая политика.

Однажды глава одной из семей «подселенцев», Яков Штейн обратился к Жоржу с предложением открыть на дому зубной кабинет.

Они договорились, что он научит Жоржа премудростям ремесла техника в обмен на пользование одной из комнат в качестве кабинета. Жилье Жоржа сократилось до комнаты, а у Штейнов появилось свое дело.

Уже через короткое время в дом потянулись больные. С улицы, через парадный вход они попадали в коридор, где ожидали приема. В столовой Яков поставил зубное кресло, медицинский столик с инструментами, вдоль стены стояли стеклянные шкафы с препаратами и лекарствами. У кресла стояла ножная бормашина. При входе со двора, в просторной прихожей, Жорж оборудовал мастерскую, где днями и ночами осваивал премудрости новой профессии. Дом про-

пах камфорой, лекарствами и заполнился криками боли с жужжанием бормашины.

Жорж не расставался с белым халатом до ночи.

Дело оказалось выгодным. Жорж освоил основные приемы ремесла зубного техника и стал работать с Яковом в доле. То есть он получал процент с прибыли от дела. К тому времени Яков помог ему получить бумагу об окончании зубоврачебной школы и перед Жоржем открылись перспективы налаженной и обеспеченной жизни. Пора было подумать о семье.

У Якова было двое детей: старшая, дочь – Рахиль и сын – Борис. Дочери исполнилось 18 лет. Это была худая и подвижная как ртуть сероглазая брюнетка. Её смех наполнял дом с утра и до вечера. Жорж слышал ее песни и свист в мастерской каждый день и воспринимал её не более чем привычную в доме мебель.

Но однажды, внезапно для себя подумал о том, что мог бы с этой девушкой создать семью. Это был деловой подход к вопросу о будущем. В нем было больше целесообразности, чем чувства.

– А почему нет? – подумал Жорж. – Да, еврейка, но что ж? Люди как люди – эта мысль непонятно как уравнивала их толи как плохих, толи как хороших. Во всяком случае, пользы от этого шага он видел больше, чем вреда.

Не откладывая дело в долгий ящик, как-то вечером, когда они с Яковом возились в сарае, с «пушкой», штампуя метал-

лические коронки, он обратился к нему с вопросом.

– Послушайте Яков, я вот тут давеча подумал, и решил, а почему нет? Что вы на этот счет думаете? – Начал Жорж нейтрально, не особо нажимая на необходимость немедленного принятия решения.

– Не понял, чтоб- таки решил? – Яков был огорошен не столько содержанием вопроса, сколько его отсутствием и необходимостью на него ответить.

– Да вот чего ж тут не понять, – гнул свою мысль как пластину рессоры Жорж, – пришло время, надо думать о будущем, да и вам тоже.

Яков не был большим знатоком человеческих душ, но где-то краем сознания начинал понимать, о чем идет речь.

– Если ты о Рахили, то она еще в школе, да и надо с ней переговорить. Времена другие, за спиной девицы такие вопросы не решишь, – отходил он, выигрывая время. – Надо подумать, с ней поговорить, с Дорой, матерью её. Да и тебе бы с ней надо как-то ближе сойтись, Вопрос не простой, – закруглил он.

– Да уж надо. Это я так, чтоб нам понятно было куда и зачем? – согласился Жорж. – Яков, вы же знаете, я не беден. Все это будет наше. Да и отец что-нибудь еще оставит, так что проживем, – со смешком закончил он, с тоской подумав: « да, это не Ласкин»...

Потому он теперь и рубил дрова без устали, чтобы понять, как ему быть и куда двигаться дальше.

Мысли о Рахили тревожили Жоржа и распаляли его все сильнее...

глава 2

Дедушка Хикмет Таиров встает рано и начинает день с молитвы уже много лет. Он раздумчиво и неторопливо моет ноги, ополаскивает лицо и руки. Затем, расстелив молитвенный коврик под аркой спальни, напоминающей ему мечеть и обратив свой взор на восток, как учили его с детства, ведет неторопливый разговор с Всевышним. Он не догадывается, что Мекка от его старого дома, на юге. Это его не беспокоит. Главное, чтобы мысли дошли туда и тому, кому надо. Ибо он знает, что с пустяками обращаться не надо, а коль обращаешься, то без внимания его просьбы не оставят.

Так было, так есть и так будет. Во веки веков, Аллах акбар. Сначала он просит за сына и невестку, ушедших с Врангелем за море, в далекую Турцию. Заморочили молодых переменами. Увлечлись идеями, пошли под лозунги и обещания сделать всех «белых» свободными кроме «красных». Потом поражение и бегство в неизвестность. Когда теперь они смогут вернуться? Одному Аллаху известно. Раньше пароходы ходили в Константинополь из всех портов близкого моря по несколько в неделю. Теперь пароходы плывут вдоль моря, а не поперек. Почта из Турции не приходит, а может сын и невестка не пишут, боясь за него и внука. Ну что ж, так правильно. Чего испытывать судьбу, когда она итак каждый день испытывает всех их.

Потом он молится за здоровье внука, оставленного ему на попечение и воспитание. Ленур мальчик хороший и воспитанный, вот только в мечеть не ходит и не молится. Правда, ходить некуда. Все мечети закрыли. Старики собираются по праздникам у муллы во дворе, но все это до поры, когда и там запретят.

Вот и он общается дома.

Хикмет вспомнил, что правоверный молится пять раз в день, но подумал, что Всевышний его поймет, если он это делает два раза: один – утром, второй – вечером. Ведь днем надо работать и думать о пропитании, а это главное для него – главы семьи. Вот если бы сын был дома, а так прости...

Потом он просит за удачную работу, которая кормит его дом и в конце он вспоминает о жене Деляре, чтобы здоровье продлила её годы как можно дольше. Та уже возится на кухне, растапливая печь. Внук спит в маленькой и узкой как пенал детской.

Он завершает молитву и с чувством исполненного долга сворачивает коврик и совершает омовение. Солнце встаёт над старым двором, освещая угол кухни и сад напротив.

Хикмет садится завтракать. Делюра приносит ему кипящий чайник, а он думает о работе. Его сапожная будка ждет его неподалеку на углу, рядом с милицией там же, где раньше была полиция. С околоточным у него раньше были хорошие отношения. Его не трогали и не обижали. Бывало подойдет с сапогами на ремонт, да и то, после норовил рассчитаться

или вид делал? За будкой присматривал ночами и в обиду не давал. Теперь надо самому волноваться, чтобы ушлые соседи не взломали ее, в поисках чего – нибудь ценного.

Хикмет засмеялся – он был веселым человеком.

Надо сегодня найти на рынке дратвы, гвоздей, хорошо бы у знакомых спросить кожи, резины и прочего, без чего обитатели близлежащих улиц будут ходить босяком.

«Так они давно ходят голые и босые. Обувь купить можно только в дорогих магазинах, проще отремонтировать ее, пока не разлезутся на ноге», – подумал он и опять рассмеялся.

Напевая, он вышел во двор, увидел сад Рулевых, своих кур, копошившихся за металлической сеткой возле летней кухни, и ему стало опять хорошо и весело. Из будки вылезла, гремя цепью, старая сука, лохматая и большая дворняга Кара. Она затрясла головой, отряхиваясь после сна, и подставила большую голову под ладонь Хикмета, жмурясь от удовольствия.

– Извини Кара, забыл тебя с цепи спустить, – огорчился Хикмет. По ночам собака свободно гуляла по двору без цепи. На ночь ворота и калитку запирали на засов. Полуночники лезли через высокий забор. Такие были правила испокон века в этом дворе.

Он налил свежей воды в миску и поставил перед собакой. Та жадно стала пить воду. Хикмет положил в другую плошку каши.

«На день хватит», – подумал он.

Жизнь начинала новый день, обещая ему удачу и добро. Но нельзя торопиться, тем более дедушке Хикмету.

На крыльцо соседнего древнего дома, из-под низкой при-толки входной двери выплыла хозяйка, Татьяна Ивановна. Высокая, с прямой спиной как у покойного отца, николаевского солдата. Они вместе с дочерью Ольгой, жили в доме, построенном еще им, по выходу со службы в армии после долгих двадцати пяти лет.

Она прищурилась, глядя на Хикмета и прогундосила, – А что ты лыбишься, старый пень? Али жизнь радует? Нешто весточку от своих беглецов получил? – И довольная выплеснутой злобой она, немного постояв, удалилась.

«Да, – подумал дедушка Хикмет, – баба-шайтан. За годы жизни в одном дворе ни разу не улыбнулась. Придется все-таки молиться пять раз в день», – и с этой мыслью напевая, он привычно повязал платок на голову, надел халат, воткнул ноги в старые чувяки и пошел начинать свой новый трудовой день.

По улице вниз к базару текли редкие людские ручейки. Вот с кувшином на плече, в шароварах и тюбетейке, босяком пробежал водонос. Этот будет весь жаркий день носить прохладную воду и предлагать прохожим. Так по копейке на буханку хлеба насобирает.

«Тяжкая это работа носить воду», – подумал Хикмет и вздохнул.

Вот с фруктами и овощами в тележке, напевая утреннюю

песнь, проехал мимо сосед из двора напротив. Они поприветствовали друг друга. Этот повез то, что собрал у себя в саду – будет заработок на несколько дней. Несли лепешки и сладости в блюде на голове, зелень и овощи в корзинах, на терпеливых ишаках везли в сумах рукодельные коврики, расшитые бисером тюбетейки и другую утварь. Всякий торопился на рынок что – то продать или купить.

В конце улицы, на крыльце милиции стоял сонный часовой, терпеливо тянущий лямку службы до начала трудового дня.

– Здорово Хикмет, – поздоровался он, заметив сапожника у будки. – С трудовым началом.

– Кто рано встаёт, тому бог подаёт, – ответил Хикмет и открыл дверь.

Тут же появился Абдулла

– Салам алейкум, дедушка, – поклонился он, – хочешь холодной воды?

Он протянул Хикмету кружку ледяной воды и улыбнулся.

– Я сегодня уже второй кувшин несу на базар. Ходил я, да и вот опять пошел, а они Абдуллу все гонят и гонят.

Парню было на вид лет 20. Крупный, коротко стриженный непонятно где и кем, вечно в каких- то обносках и босяком круглый год, он всегда излучал доброту и улыбку. Никто не знал, сколько ему и откуда он взялся. Он болтался по городу днями, открыто и непрестанно улыбаясь людям и жизни. Обидеть его было легко, как всякого больного человека, но

редко, несмотря на общее ожесточение, у кого из людей поднималась рука на убогого.

Хикмет недавно приютил его у себя, поселив его в смежной с кухней маленькой комнате. Там стояла кровать, тумбочка, таз с кувшином и ведро. А что еще человеку надо для ночлега..

Бывало, Абдулла пропадал на несколько дней, чтобы опять появиться в доме Хикмета. Вот он снова появился, улыбаясь дню и сапожнику, в амбразуру будки.

Хикмет обрадовался Абдулле, к которому испытывал непонятное тепло и заботу.

– Закончишь на базаре, приходи дров нарубить, – предложил он Абдулле, таким способом давая тому возможность официально заработать на обед. Ему было непонятно, чем тот питался и где пропадал.

– Где ты ночевал сегодня? – Спросил он осторожно Абдуллу. Тот не любил когда его расспрашивали об этом.

– Я на базаре ночевал, Сторожил амбар. Утром меня накормили и дали на вино. Абдулла – алкоголик, – важно произнес он. Хикмет знал, что он не курит, не пьет и не балуется гашишем. «Это у него такое новое в его речи появилось. Важничает и притворяется», – подумал он

Уже убегая по дороге к базару, Абдулла прокричал: «Приду к вечеру».

глава 3

В двух комнатах старого дома Дроботко стоял полумрак. Пахло сыростью. Жизнь, казалось, остановилась давно в этих неровных стенах, покрытых патиной печали и трещинами времени. По полу на кривых половицах чернели катыши мокриц. Тиканье ходиков казалось громким и неуместным, как полковой оркестр на похоронах ребенка. На тахте высилось тело Татьяны Ивановны. Она спала, и снился ей сон: она в белом свадебном платье плывет по бескрайнему полю алых маков. Где-то играет музыка, и она кружится в ожидании жениха, но его нет и нет. Уже и музыка угасла, и маки померкли, а его все не было. И ожидание несбывшегося сжимало сердце, и оно замирало, превращаясь в твердый комок глины.

От боли Татьяна Ивановна просыпалась, привычно принимала валериановые капли и опять уходила в дрему.

Она вспоминала мужа, сгинувшего в огне большой войны с немцем. Без него было тяжело, и Татьяна Ивановна ощущала тоску, поселившуюся в её душе давно, и видимо до конца её серой жизни. Вся она протекала в этом опостылевшем дворе.

Детство, юность, молодые и зрелые годы видели одно и то же. Она временами думала, что бог её покарал и определил с рождения в тюрьму на пожизненный срок, и она отбывает

и тянет его покорно, с горечью понимая, что конец жизни все ближе, а перемен не было и не будет. От этого в её душе поднималась злоба и, хотя она понимала, что люди в этом не виноваты, но ничего сделать с собой не могла. Она была сумрачна, как и её жизнь, и только дочь оставляла слабую надежду на перемены.

Дочери дома не было. Она работала в учреждении, с новыми непонятными сокращениями, кассиром. Уходила рано, а приходила поздно.

Ольга Николаевна была похожа на мать, как две капли воды: высокая, с прямой спиной, горделиво несущая себя в пространстве и жизни. Единственно, что отличало её от матери, это копна рыжих волос, доставшихся ей от погибшего отца. Она, как и мать, в свои уже 20 лет была одинока и неприкаянна. В ней жила надежда на встречу со счастьем, но его не было. Да и откуда ему было взяться, если после всех войн и революций мужики, даже калеки, были на вес золота.

Одно время она приглядывалась к соседскому сыну Жоре, но вскоре, после попытки установить с ним более близкие отношения поняла, что голова у него занята другим – он обустроивал свою жизнь, как паук свою паутину, медленно и методично и места в этом процессе для неё не было.

За это она невзлюбила его и дарила ему свое презрение каждый раз, когда встречала во дворе.

Две одинокие души дочери и матери жили под одной крышей, редко за день обронив пару слов.

Татьяна Ивановна днями ковырялась в маленьком огороде, стиснутом стенами конюшни и собственного дома. Это было единственное поприще, что давало ей свободу и отдых. Так она перебивалась между огородом и кроватью с валерианой.

Жизнь была пуста, как тишина в доме.

Только привычно таякала в доме маленькая собачка-дворняга, похожая на мопса, Таська.

глава 4

Яков Штейн, лысоватый, местами курчавый, носатый, среднего роста, все 45 лет жизни был гоним ожиданием чего-то ужасного. Сколько он себя помнил, его не покидал страх. Он боялся не чего-то конкретного, а мрачного потустороннего, что окружало его жизнь с рождения. В детстве ему говорили о всемогущем боге, и он боялся его гнева. Потом его пугали, и иногда он находил тому подтверждение, дикостью и безжалостностью людей. Затем старая жизнь закончилась, а вместе с ней и то привычное, что составляло его основу. Он был уважаемый дантист, с положением, домом и семьей. В один момент это рухнуло и он, бросив все, бежал на юг, где надеялся сохранить, то немногое, что еще могло быть сохранено.

Все напрасно.

Пришла пора боязни голода. Потом холода и неприкаянности жизни из одного угла съемной квартиры, в другой.

Жизнь долго тащила его, как «перекати поле», пока судьба не занесла в дом на Фонтанной. Тут к счастью удалось зацепиться сначала за жилье. Комитет при городской комиссии бездомных дал ему ордер на две комнаты в доме Рулевых.

А потом Яков поближе познакомился с бывшим хозяином и его сыном. Хозяин дома Савелий бывал в доме редко. Всем

заправлял в нем Жорж. Это был молодой и неукротимый в своих желаниях горячий бычок, которого надо было приручить.

Дети Якова, Рахиль и Борис, росли домашними и пока не были захвачены в водоворот новой жизни. Рахиль завершала школу и пока не знала, куда направить свои шаги далее. Борис только в этом году должен был пойти в школу.

Жена Дора была хорошей хозяйкой и матерью, но не годилась решать проблемы. Потому все приходилось делать самому Якову.

Однажды он соблазнил Жоржа предложением, от которого тот не смог отказаться.

Так началась новая жизнь, и страхи отошли на задний план, но не исчезли вовсе – слишком долгий опыт в жизни Якова ежедневно напоминал ему о прошлом.

... Дело Якова оказалось выгодным и быстрорастущим. Пациенты, почувствовав способность Якова делать чудеса, валили к нему на прием. Жорж оказалось быстро учиться и способен много и хорошо работать.

Дом с водопроводом, ванной, горячей водой из титана и туалетом, как нельзя лучше, был способен обеспечить все запросы посетителей. Тем более, что в районе на ближайшие пять кварталов конкурентов у них не было. Даже из центра приходили посетители, услышав о хорошем дантисте и небольших сроках ожидания решения своих проблем.

Знаменательным днем Якова был тот, когда Жорж позвал

его на парадное крыльцо.

– Яков Моисеевич, давайте поглядим, чем народ живет, – однажды позвал он Якова. Тот был занят составлением списка медикаментов, которые были необходимы для кабинета. Это было проблемой. Медикаментов в стране было мало, и погоня за ними была вопросом, требующим терпения и долгого труда.

– Да некогда, Жора, я весь потом сошел, да никак не получается, – отнекивался он от приглашения Жоржа.

– Да оторвитесь на минуту. Это я так для причины вас зову, – настаивал Жорж.

Яков вышел из кабинета. Спустился по ступеням на крыльцо и закрыл входную дверь.

– Ну что? На что смотреть? – Он глянул на Жору, который светился от удовольствия, чего не было никогда.

– Да вы повернитесь и на дверь гляньте, – он с нетерпением развернул Якова к двери и тот увидел.

На внешней стороне входной двери сияла латунная табличка «Яков Штейн, дантист. Ежедневно с 10 до 17, кроме выходных».

Яков увидел давно забытую дверь в своем рухнувшем прошлом. Такую же табличку и ему на секунду опять стало страшно. Он перевел дух.

Ветер странствий вдруг снова коснулся лица Якова, и ему показалось, что не было десяти лет бродяжничества и потерь.

– Да, это не плохо, – замылся он, – только меня беспокоит, не станет ли эта табличка меткой, для лихих людей и разной босоты? Всякий захочет посмотреть, чем народ живет за такими дверями.

– Та вы не беспокойтесь, нас Рулевых тут каждая собака знает и с нами связываться не захочет. А если свяжутся, то очень пожалеют. Себе дороже будет, – как-то очень спокойно и уверенно сообщил он Якову. И тому стало спокойно.

Наступил период благоденствия семьи и процветания. Жизнь покатила по наезженной колее, и будто не было никаких переломов и потрясений.

– Однажды Дора сказала.

– Яша, а ты знаешь, что Жорж оказывает знаки внимания нашей Рахили?

Яков посмотрел на Дору. Она обычно тихо плела ткань семейной жизни, не вовлекая его в этот сложный и малопонятный процесс.

– А ты как это заметила? – Удивился глава семьи, делая вид, что для него это новость. Всегда полезно получить дополнительные факты подтверждения текущего процесса жизни.

– Так дня не проходит, чтобы он не заговорил с ней. А раньше ходил и не замечал её. Наша дочь, конечно, не то чтобы ох, но на неё мухи не летели, как на сладкое. Я же вижу, – подытожила Дора.

– Слушай, – посоветовал ей Яков, – ты бы её направля-

ла в сторону правильного принятия жизни, а остальное эта жизнь сама подскажет, как быть, – философски подвел черту он. Негоже вовлекать жену в сложные проблемы жизни, необоснованно давая ей иллюзию собственной способности принимать самостоятельные решения.

Жизнь вокруг становилась живее и интереснее...

глава 5

На плоской проплешине вершины старого города, неподалеку от развалин Неаполя Скифского, процветал единственный район, которому не было дела до всего, что происходило в стране и в городе. Имя ему было – Нахаловка.

Это была слобода, в которой спокойно жил только древний как мир старьевщик Моня и только потому, что, как говорили её обитатели, терять ему было нечего.

Разбойные грабежи, драки, убийства и прочая мелочь происходили на её улицах всегда, то есть со времен основания. А было ей много лет, столетие уж точно.

Как центрифуга отбрасывает за свои пределы все лишнее, а кастрюля всю накипь своего содержимого к краям, так город выталкивал из центра на окраину свою всю непотребную публику, которая жила и приобретала полезный опыт быстрее всей многострадальной империи: убивать, грабить, воровать, мошенничать и прочее.

И в том искусстве обретения опыта, слобода была быстра и плодотворна.

Естественная убыль после мокрых дел и закономерной отправки по этапам в итоге требовала новых легионеров им на замену и потому вся молодежь в Нахаловке видела себя героями подворотен и шпаной пыльных дорог окрестностей. Пыль не мешала уже в это время носить лаковые штиблеты

на кнопках, короткие прилегающие пиджаки с неожиданными кепи и порывисто рассекать жизнь как герои немых фильмов.

Иван Бобков был родом из этой слободы Нахаловки. Ему повезло. Он вовремя попал работать на близкую маслобойку. Там он прошел ускоренные жизненные курсы классовой борьбы за светлое будущее, где его научили, что прав не тот, кто сильнее, а кто организованнее. Этого было достаточно, чтобы задуматься. После наглядных примеров, испытывая острое нежелание повторять опыт своих соседей по слободе в естественной ротации жителей, он примкнул к классово близким рабочим.

Именно там Иван и вырос, приобретая навыки брать то, что не принадлежало ему.

Недолго задумываясь над происходящим, он вовремя подался в ряды борцов за светлое будущее, немало поколесив по югу страны, в рядах сначала отряда, а потом – армии красных. В итоге, освоив навыки шофера, он остановился на службе в городской ВЧК. У него был автомобиль «паккард», форма, вызывающая у окружающих страх и маузер. Чувство власти баюкало его, открывая перед ним радужные перспективы.

Особым образованием он обременен не был, но 4 класса приходской школы не мешали ему быстро понимать и схватывать происходящее.

С детства, когда по дороге из приходской школы он брел

домой по Фонтанной, его взгляд приковывал к себе дом, торжественно взирающий на улицу из всех своих высоких трех окон, выставив вперед надменно ступени парадного крыльца. Тогда-то он для себя решил, что непременно будет жить в нем хозяином.

Но жизнь иронична до издевательства над здравым смыслом и обычно сурова. Он действительно оказался в этом доме. Но в качестве подселенца-жильца, с правами на одну комнату, с женой Евдокией, которую нашел и подхватил с собой по привычке брать то, что ему не принадлежало.

Евдокия была сельской девицей, однажды неосторожно задержавшаяся на околице села, где любовалась грозными отрядами красных. Там-то её и заметил Бобков...

Комната была большой с двумя окнами: одним на улицу и другим во двор. В длинном глухом коридоре Иван организовал кухню. Окно во двор удлинил и поставил дверь. При выходе во двор плотник соорудил пристройку с деревянным крыльцом, на котором можно было в душный вечер вдыхать медовый запах акаций, растущих во дворе.

Своих соседей Бобков не знал – ему было некогда. Время было горячее и день кормил год. Он очень быстро прошел путь от шофера до заведующего хозяйственной частью губисполкома, оставаясь негласным сотрудником своего начального поприща.

В это время началась новая экономическая политика, и приходилось уже бороться с дурной привычкой брать чужое.

Но Бобков понимал, что это ненадолго и тихо смеялся, когда видел тех недобитых буржуйских выкормышей, опять как грибы растущих по городу, ощущающих себя новыми хозяевами жизни.

Надо был потерпеть, а он умел это делать.

глава 6

... Для Жоржа начался период мучительного поиска возможности сближения с Рахилей. Он не был искушен в вопросах обольщения женщин. Весь его опыт с этим племенем был ограничен визитом с компанией в дом с красным фонарем на привокзальной площади, завершившимся дурной болезнью и долгим лечением у знакомого врача...

Поэтому для начала он пригласил однажды Рахиль в единственный городской кинотеатр «Большевик». Рахиль с радостью согласилась, чем обрадовала и озадачила Жоржа одновременно. Он не понимал, что для домашней девушки любовью выход из дома уже событие.

Они попали на новый фильм «Месс Менд». Перед началом фильма в фойе Жорж не поскупился купить две четвертушки пломбира. Они сидели и слушали игру на пианино тапера кинотеатра. Рахиль слизывала мороженое, с зажатой в пальцах четвертушки и смеялась. Жорж заметил, что она была веселой и смешливой девушкой. Главное с ней было легко и не надо было напрягаться и думать над тем, что говорить далее.

Рахиль рассказывала о школе, о подругах, бестолковых учителях и изображала всех со смехом. Жоржа осмелел и расслабился, даже несколько раз попытался что-то вставить в разговор, но этого и не надо было делать.

Рахиль сама справлялась с нитью беседы, наматывая её на челнок времени.

Вскоре пригласили в зал и начался фильм. Он был долгий и для Жоржа непонятный. Гремел инструмент, в зале курили и громко смеялись, и все происходящее больше напоминало ему базар, чем кинотеатр. Через два часа в зале зажегся свет.

Они медленно шли темными улицами города к дому. Вдруг Рахиль доверчиво взяла Жоржа под руку и прижалась к нему. – Я боюсь темноты, – прошептала она ему. – Мне кажется, что сейчас из переулка вывалится компания и начнет измываться над нами.

Жорж хмыкнул и громко рассмеялся. Рахиль от неожиданности остановилась.

– В этом районе меня не только не тронут, но если понадобится, то и проводят домой со всеми почестями. Это мой город. От вокзала до Нахаловки. Не бойся ничего пока я с тобой, – уверенно пробасил он девушке и так уверенно, что страхи прошли, и впервые за вечер у неё проснулось чувство признательности и благодарности к этому молчаливому и надежному человеку.

Они в молчании подошли к дому. Рахиль взбежала на знакомое крыльцо и протянула руку

– Спасибо Жорж, я провела самый интересный вечер в своей жизни, – проговорила она и исчезла за дверью.

Жорж открыл калитку, обошел дом с другой стороны и вошел к себе.

У него впервые в жизни в голове роились, не успокаиваясь, мысли, одна другой страннее и непривычнее.

Одно он точно знал – эта девушка была ему интересна и станет ему женой, чего бы это ни стоило.

... Эта весна в городе, просыпающемся после оцепенения, выздоравливающем от долгих и беспокойных лет революции, гражданской войны и полных робкой надежды на лучшую жизнь, для Жоржа была временем ожидания прихода чего-то нового и незнакомого.

Весенние дожди щедро поливали город, смывая с его улиц накопившуюся за зиму грязь и тоску, пробуждая в людях надежду.

Рахиль закончила школу. Каждый день Жорж методично и настойчиво старался встретиться и пообщаться с ней. Вечерами они выходили в центр города, где улицы уже были освещены редкими фонарями, а в открывшихся недавно маленьких кафе можно было посидеть и развлечь спутницу. Жорж к тому времени уже понял, что для впечатления надо раскошелиться. И он платил, понимая, что этим он вкладывает деньги в новое дело, а для его успеха это необходимо.

... Где-то в начале лета, когда уже отцвела акация, и её опавшие цветы ветер носил по тротуарам, сметая в ржавые клочья, Жорж сделал предложение Рахили.

Она на удивление спокойно и трезво только проронила.
– Я согласна, только не знаю, как на это посмотрят мама и папа.

– Я завтра буду у них просить твоей руки, – успокоил её Жорж, – надеюсь, они согласятся.

... В полдень следующего дня Жорж обошел дом и постучал в дверь. Он до сих пор так и не понял, по какому трудовому циклу живет страна. У Якова в коридоре висел график дней недели, где были отмечены нерабочие дни. У Жоржа все дни были рабочими, но сегодня он сделал для себя перерыв. Вчера он предварительно зашел в кондитерскую и купил красивые и соблазнительные пирожные.

И вот теперь он сидел в своей бывшей столовой, ныне в лечебном кабинете и ожидал, пока Дора накроет стол.

Потом они пили чай, а Жорж все никак не мог начать разговор.

Ему помог Яков.

– Жорж, – после долгого молчания, протянул он ему свою руку помощи, – годы идут, батюшка доживает свою жизнь в деревне, а какие планы собственные?

Тут Жорж коротко рассказал о видении своего будущего в крепкой связи с делом Якова, а потом добавил.

– Думаю, что для укрепления, испытывая собственное большое чувство и волнение, – витиевато начал он, – прошу руки вашей дочери, – неуклюже заключил он.

Повисло молчание. Дора покраснела и на глазах ее появились слезы. Яков тоже захлюпал носом

– Жорж, это непростое решение. Мы с уважением относимся к нему и, – он посмотрел на Дору и она кивнула го-

ловой, — не против. Но без Рахили принять решение мы не можем.

Позвали Рахиль. Она вошла в комнату натянутая как струна, с глазами, горящими от волнения. На первые слова отца она, не дожидаясь их завершения, сказала.

— Я все знаю и согласна.

Жорж перевел дух, родители вздохнули и все заулыбались.

Яков после недолгих слов напутствия соединил руки и пожелал мир да любовь.

... Прошло немного времени и все случилось. Была свадьба, ну не такая как до этих времен, но...

Приехали из деревни отец Жоржа, Савелий и Катя. Они привезли корзины с продуктами и подарки. Савелий выглядел помолодевшим и неожиданно галантным. Катя в длинном синем платье с белым хрустящим фартуком была похожа на возрастную гимназистку.

... Свадьба началась с коляски, с белых бантов и цветов, вплетенных в гривы пары гнедых. Рахиль вышла на крыльцо в белом платье и вуали. Жорж был в черной паре и белой рубашке. Молодые смотрелись празднично и взволновано.

Кучер гикнул, и лошади рысью покатали коляску к губисполкому, на Карла Маркса, где молодых и расписали. Назад лошади шли шагом, неторопливо увлекая коляску с молодыми по старым и знакомым улицам города. Мимо шла неторопливая и сонная жизнь обитателей, и казалось, что ничто

не могло изменить её.

Домой пригласили ребе и батюшку. Ребе был шутлив и рассказывал анекдоты. Батюшка был под хмельком и нетороплив.

Была купа в скромном саду и Рахиль в свадебном белом платье, на которое падал нежно розовый цвет осыпающихся лепестков вишни.

Ребе прочел из Торы слова молитвы, соединил руки молодых и пожелал благоденствия. Батюшка скороговоркой прочел молитву, надел кольца и пожелал молодым плодиться и размножаться. Жорж правой ногой разбил традиционный стакан, завернутый в полотенце. Все захлопали. Музыканты заиграли веселую музыку. Дора заплакала, а Рахиль счастливая и безмятежная стояла под хупой и улыбалась миру, с надеждой глядя на небо и моля о счастье.

Свадьба перекочевала в столовую дома, под веселые звуки музыки. Скрипач и кларнетист виртуозно вели одну мелодию за другой, и в веселых звуках фрейлехса как будто кружились небеса, глядя на этот счастливый дом.

Рахиль же, как гибкий побег вишни, подсвеченная белым светом свадебного платья и вуали, счастливо смеялась, глядя на Жоржа, вверяя ему свою судьбу и жизнь.

Он, вдруг обожженный красотой, открывшейся ему, повторял себе, что всю свою жизнь будет хранить её ото всех невзгод и бед, чего бы ему это не стоило.

И верил в это искренне...

глава 7

На следующий год в начале весны у Жоржа и Рахили родился сын. Назвали его Мироном. Рахиль рожала дома. Яков пригласил акушерку. Из деревни на роды приехала Катя, да так и осталась надолго.

Сын родился крепким, темноволосым, похожим на свою мать.

Штейнов потеснили, и у Жоржа теперь было снова две комнаты. В одной сделали спальню и детскую, а во второй была столовая, где и спала Катя.

Она сразу взяла в свои руки все хозяйство семьи и справлялась с этим безупречно. С раннего утра дом заполнялся звуками странных мелодий, которые она извлекала из своей немоты. Хруст белоснежных юбок и фартуков заполнил дом свежестью и непредсказуемостью. Запах ванили и свежестиранного белья повис в доме.

Она готовила обильно, разнообразно и сытно. Жорж к своему удивлению вдруг понял, что его радует появление Кати в доме.

А Рахиль была погружена в заботы о сыне. Молока было много, и Мирон миролюбиво сосал, мирясь с жизнью, невзирая на все свои кишечные и желудочные проблемы.

Жорж работал с Яковом все больше и больше, а Катя правила их жизнью незаметно для них.

Жорж приобрел по совету отца двуколку и пригнал из деревни молодую пегую кобылу Цветочек, спокойную и неторопливую. Теперь во дворе в конюшне опять стояла двуколка и лошадь. Жорж заходил в конюшню, слышал тихое ржание лошади, мерно жующую душистое сено в деннике и в нем разливалось спокойствие и удовлетворение той жизнью, которая скользила рядом.

Однажды вечером, когда Рахиль уже спала с ребенком в спальне, он зашел в ванную – там стояла голая Катя. То, что он увидел, поразило его. Он всегда воспринимал её, как зрелую женщину, спутницу отца.

В ванной стояла хорошо сложенная, с красивой пропорциональной фигурой молодая женщина, с удивительным бело-молочным цветом тела, светившимся изнутри огнем жизни.

Жорж замешкался, пораженный увиденным, а Катя закричала своё неразборчивое, и бросила в него мокрое полотенце. Спустя время она, с привычным венком на голове, нашла его и долго что-то пыталась возмущенно выговорить ему, отчаянно жестикулируя и краснея.

После случившегося Катя несколько недель не обращала на Жоржа никакого внимания. Да, она могла общаться. Этот процесс сводился к коротким запискам, в которых она могла печатными буквами по-русски изложить свою просьбу или приказ.

Оказалось, она много читала. Книги были на русском, и

она их читала медленно, складывая слова по слогам, но по-немецки она читала и писала свободно. Когда она читала, то по кончику языка, который появлялся в уголке рта, можно было понять, доставляет ей чтение удовольствие или нет.

Катя была далеко не так проста, как Жоржу казалось раньше.

Из объяснений Рахили, которая больше общалась с ней и дружила, стало известно, что незадолго до революционных событий вся многочисленная семья Кати выехала из страны в Хайфу, осваивать библейские места и внедрять в жизнь божьи заветы.

Катю оставили одну на попечение дальних родственников. Почему так произошло, Катя не объясняла и только горько плакала, рассказывая эту историю. Потом было замужество, и у неё была дочь, но в один миг тиф отнял у неё и мужа, и кроху, оставив на свете её, Катю. Эта грустная история осветила по-другому жизнь этой странной на первый взгляд женщины, но такой понятной и достойной сочувствия, что даже черствый Жорж изменил к ней своё отношение.

... Жизнь становилась все красочней и праздничней. В домах города, даже в районе Фонтанной появилось электричество. Вечерами на улицах загорались редкие фонари, а в домах тлели желтые угольки лампочек. Обитатели двора перестали жечь керосиновые лампы. Даже в конюшне Жоржа вечерами горел свет.

День ото дня он находил, что жизнь стала понятнее своей разумностью и логичностью. Он много работал, но мог на заработанное позволить себе и своей семье многое. Катя ходила на базар и несла с него полные корзины продуктов. Они жили, не отказывая себе ни в чем.

В городе проснулась жизнь. Трамваи, автомобили, повозки и телеги наполнили город звуками. Ежедневно базар, необычно за последние годы разросшийся, звал к себе.

Базарный гомон с раннего утра до обеда поднимался над городом, извещая всех о жизни, быющей ключом рядом со всё еще безводным фонтаном на площади.

Вечерами мягкий свет электрических фонарей заполнял улицы города призрачным флёром и в нем, словно из коллекции оживших бабочек, порхали красивые женщины, загадочные мужчины и многообещающие юноши и девушки. Жорж с Рахилей часто, оставив Мирона на попечение Кати, выходили в центр города, чтобы развеять хандру и получить удовольствие.

Отношения Рахили и Жоржа казалось, только укрепились после рождения сына, но она чувствовала, как между нею и мужем образовывается, с каждым днем расширяющаяся трещина.

Это происходило по необъяснимым причинам. Просто сердце Рахили подсказывало ей правду. Они жили вместе, но порознь. Она посвящала жизнь сыну, вкладывая в него свою душу. Мирон рос тихим послушным ребёнком, радуя

её светлым нравом и покладистым характером. Катя привязалась к ребёнку и много времени возилась с ним, светясь от удовольствия: она обрела в нём то, что казалось было безвозвратно потерянно ею навсегда. Жорж работал в прихожей, ставшей лабораторией, не замечая никого, погруженный в заботы и свои внутренние проблемы, которые поедали его день ото дня. Рахиль это видела, но не могла склеить семью в единое целое.

Её брак, и она это начинала понимать, был более попыткой молодой девушки сбежать от родительской опеки, чем осознанным шагом влюбленной в мужчину женщины.

Так проходило время, умножая годы на проблемы, и конца этому Рахиль не видела и смирилась с этим.

глава 8

... На просторном подоконнике зубного кабинета Якова черная тарелка радио постоянно вещала о событиях в большой стране Советов. Страна с энтузиазмом уверенно шла вперед, к победе социализма. Диктор сообщал о наступлении времён нового периода индустриализации. Вся страна с ликованием встречала это решение.

Яков лечил своих пациентов и слушал радио. Он любил этот шум, как подтверждение ежедневного собственного бытия.

Вот и теперь он понял, что энтузиазм масс привел в движение воронку воодушевления, увлекаая всех к светлому будущему.

– «Пока воронка крутится в Москве, у нас все еще будет тихо. Провинция – это хорошо: спокойно и далеко», – думал он, привычно орудуя бором.

...Яков наконец-то успокоился и радовался жизни. В семье стало покойно и предсказуемо. Работа и дело катились по забытой колее, принося достаток и уверенность. Дора погрузилась в жизнь внука. Рахиль была счастлива и светила от материнства. Борис учился в школе, его хвалили и у него не было очевидных проблем, которые бы требовали решения. Можно было расслабиться и получать удовольствие от жизни.

Бедя пришла неожиданно. Однажды к Якову на прием пришел его старый знакомый, уже много раз обращавшийся к нему за помощью. Яков принял его и решил проблемы. На прощание пациент, доверительно глядя ему в глаза, шепотом произнес странную фразу: «Яков Моисеевич, на вашем месте я бы свернул все свои дела и на некоторое время исчез из города». При этом он как-то сочувственно пожал ему руку и на прощание добавил: «Я очень надеюсь, что мы с вами больше не встретимся».

Яков запаниковал и после недолгих раздумий бросился к Жоржу. Тот выслушал его спокойно и внимательно. Все это было странно, но клиент был большим человеком где-то в органах, и не обращать внимания на его совет было бы глупо.

– Я схожу к людям обсудить это. Может быть узнаю что-то полезное, – решил Жорж и они расстались.

На следующий день он взял потертый портфель, положил в него две бутылки водки, закуску и вышел из дома.

Он неторопливо шел вверх по улице, по разбитым тротуарам, обходя рытвины и ямы. Его путь лежал в слободу Нахаловку. Жорж вспомнил, что не был там уже более десяти лет. Последний свой визит они совершали еще с отцом. Тот в годы своего благоденствия оказывал поддержку и услуги этому миру, который к нему относился с терпением и покровительством.

«Главное сейчас, чтобы люди еще были во здравии и хорошо расположены», – подумал Жорж.

Он дошел до конца улицы и пересёк перекресток, за которым, невидимой границей посвященному взгляду начиналась слобода. Её отделяла от всех улиц трамвайная линия, по ту сторону которой, на углу стоял странный высокий дом. Своим состоянием, чистотой виднеющегося за литыми воротами двора он сильно отличался от окружающих его построек. В его архитектуре была скрытая неправда, присущая граврам Эшера – странная особенность лестниц, балконов и пролетов с подъездами, жить в мире разрушенной перспективы. Этот дом как бы подчеркивал право его жильцов на особенное их положение.

Жорж открыл калитку и вошел во двор. Из глубины дома ему навстречу вышел молодой парень и вихляющей походкой подошел

– Двое сбоку – ваших нет, – странно начал тот. – Шо надо?

Жорж знал, с кем имеет дело и потому спокойно сказал ему.

– Я до хозяина. Скажешь что Савелия сын. Подожду здесь. – Он осмотрелся и перешел в тень. Парень молча удалился уже не вихляя и не припрыгивая.

Двор был пуст. В окнах никого видно не было. Потянулось время. Где-то гулко хлопнула дверь, и чуть позже из подъезда вышел знакомый парень.

– Значит так, слушай сюда. Волыну и перо оставь мне. Цифирь знаешь?

– Знаю, – подтвердил Жорж. – Я пустой.

Он медленно, не глядя на охрану, пошел в дом. Пролеты лестниц были чисты, как и прежде. Он поднялся на второй этаж и у двери со странным номером «777» остановился. За годы ничего не изменилось.

Он негромко постучал и открыл дверь.

В квартире стоял полумрак. Он остановился, привыкая к темноте.

Из глубины раздался глухой голос

– Чего стал. Проходи ко мне.

Жорж осторожно прошел по коридору и вошел в комнату. Ставни на окнах были прикрыты. У окна в кресле с книгой в руках сидел хозяин квартиры, слободы и временами города, Моня – старьевщик. Смуглый, морщинистый, как старый инжир, в очках, с коротким бобриком седых волос и внимательным взглядом выцветших от лет, глаз.

– Здравствуй Георгий, Силантьев сын, – со смешком произнес он. – Что привело тебя в наши палестины? Да ты садись. В ногах, как и в местных газетах, правды нет. Даже в центральной «Правде», – пошутил он.

Жорж подвинул стул и сел напротив. Луч свет осветил его и он понял, что сел правильно.

«Хозяин в духе, уже хорошо», – подумал он.

– Давненько я тебя не видел. Уже лет десять чай прошло как был здесь с папашей. Говорят, сын у тебя родился. Как называли?

– Да, уже давно. Бегает и болтает вовсю. Называли Миро-

НОМ.

– Это в честь отца батюшки твоего, – проявил осведомленность хозяин. – Хорошо. Предков надо чтить и почитать, не то, что нынешние, – пробурчал он. – За сына надо выпить. Что у тебя в портфеле, бомба? – пошутил он. – Открывай.

Жорж вытащил из портфеля бутылки и закуску. В комнату бесшумно вошла девушка, забрала закуску и вскоре принесла блюдо с домашней колбасой, сыром, соленьями. В блюде плавилась шпроты. Ржаной хлеб источал запах забытой свободы. Стало хорошо. Моня молчал, глядя в книгу.

– А как гешефт, процветает? – Неожиданно продолжил он.

– С делом все хорошо, – сдержанно отвечал Жорж, ожидая новых расспросов.

– Ну так разливай, чего ждешь? На два пальца, больше не лей, еще работать надо, – скомандовал он

Жорж разлил водку по стаканам, и они выпили за здоровье Мирона.

Закусили. Помолчали.

Хозяин мечтательно откинулся на спинку кресла, закрыв глаза.

– Ты знаешь, – продолжил он, – вот я тебя 10 лет не видел, и будто этих лет и не было. Отсюда вывод: надо со старыми знакомыми встречаться и тогда будешь молодеть и молодеть.

– Давай за батю твоего выпьем, хороший, а главное, надежный он человек. Редкий и настоящий.

Они выпили и опять замолчали. Луч света переместился

на стол и стену комнаты, Стало мрачнее и хозяин, вспомнив что-то, спросил

– Так что тебя привело ко мне? Есть проблемы? – он опять откинулся на спинку и молча стал наблюдать за Жоржем

Тот начал с того, что вопрос срочный и требуется решать быстро, а для решения не хватает ни знаний, ни умения в этих делах.

– Тут сорока на хвосте принесла, что скоро власть эту лавочку собственников прикроет и начнет закручивать гайки, да так, что резьба полетит, – продолжил Жорж. – Что делать, толи это пузырь, толи правда и надо рвать когти? Вот такой вопрос.

Хозяин долго молчал.

– Времена нас ожидают тяжелые, – медленно, словно разгоняясь, начал он. – Столыпин с его вагонами, галстуками и прочей ерундой покажется нам скаутом, переводящим за «спасибо» старушек через дорогу, – он усмехнулся.

– Было бы странно, чтобы «товарищи за кулисами» отдали в чужие руки то, что приносит деньги и подрывает идеи Прудона, Маркса с этим, как его, – он на минуту задумался, – Лениным. Помогли и хватит. Теперь все это национализируют, спасибо не скажут, а завернут лапти и отправят по этапу. Как врагов революции. Вот так и будет, Георгий, и можешь в этом не сомневаться, – заключил он.

Жорж ошарашено внимал ему, и ему стало плохо от сознания, что ему говорят правду и он внутренне с ней согла-

сен, но изменить в своей жизни что-то, чтобы опять начинать все с начала он был не готов.

— Эммануил Маркович, — впервые обратился он к хозяину по имени и отчеству, — так что же теперь надо мне все бросить и смыться, — с отчаянием выпалил он. У него сел голос от волнения и это не осталось без внимания хозяина.

— Понимаешь в чем дело. Ты не ерзай и не кипяши. Ты винтик в машине. Дело в твоём тесте. Он владелец, а ты наёмный рабочий. Кто там вникать будет в ваши отношения. Хотя для Бобка вы оба мироеды. — Тут Жорж понял, что Бобков и здесь бывает тоже.

— Тебе никуда бежать не надо. Нырни глубже, закрой лавочку, перестань стучать, а лучше уезжай в деревню к отцу, пересиди там пару месяцев. Ветер уляжется и вынырнешь. А вот тестю твоему нырнуть надо быстро и надолго. Желательно в гущу к трудовому народу, в большой город, где затеряться проще, а может и ксиву другую, хоть временно выправить на это время. Через год, другой уже другие задачи заставят ломать уже иные судьбы в другом направлении. Тогда и вынырнет. Но все надо делать быстро завтра, край послезавтра. — Он помолчал и опять продолжил.

— У тебя один человек, а у меня целые организации, — вот проблема. Рестораны, менялы, ломбарды, бордели, магазины, извозчики, игорные дома — да все сразу и не упомнишь. Вот в чем проблема, Всех надо направить и определить на новые рельсы инду...стри...ализации, — с трудом выговорил

он и рассмеялся.

— Ты не кручинься, утро вечера мудренее, но рассиживаться уже времени нет.

Жорж понял, что вопрос закрыт и надо уходить. Он поблагодарил хозяина за внимание, доброту и вышел.

Солнце садилось. День катился к вечеру. В голове гудел хмель, кровь бешено циркулировала по венам.

Он вдруг понял, что годы спокойствия опять подошли к концу и его, вернее их всех, ждет опять неопределенность и опасность в этой постоянной игре в кошки-мышки, где кошка постоянно нарушает правила. Жорж устремился вниз по знакомой улице к дому, На ходу обдумывая, что сказать Якову и что сделать самому и срочно.

глава 9

Поздно вечером в дверь спальни постучали от Рулевых.

Яков обошел дом и во дворе увидел Жоржа, сидящего на крыльце. Тот был молчалив и мрачен.

... Они сидели в темноте наступившей ночи на ступенях крыльца и молчали. Накрапывал мелкий осенний дождь. Капли стучали по козырьку над крыльцом, выбивая тоскливую мелодию прощания с радостью и теплом...

– Так тебе сказали, что надо уходить сегодня или завтра? – Переспросил Яков, ошарашенный подробным рассказом Жоржа.

– Так и сказали: «срочно»! – Подтвердил он.

При всем своем свойстве отсутствия сострадания и сочувствия, Жорж понимал, что творится в душе Якова, но помочь ему не мог.

– Надо залечь подальше и надолго, – повторил он. – Где-то же есть место, где вас помнят и могут помочь. Главное уехать отсюда.

Яков молчал.

Прекратился дождь. Выглянула луна. Зыбкий свет осветил две фигуры на крыльце, сад, двор и можно было представить, что это сон. Кошмарный сон, из которого достаточно выйти, чтобы он прекратился.

Яков вздохнул и с тоской подумал, что кошмар только на-

чинается и конца ему не видно.

– Пойду собираться. Надо еще Доре все объяснить. Ей будет тяжелее, чем мне. Утром поеду на вокзал, а там как бог даст. Прошу тебя, не бросай её и Борю. Ты теперь за главного здесь, – он пытался в темноте разглядеть лицо Жоржа, но тот в тени козырька навеса был неразличим. – Да еще, надо бы завершить дела с пациентами. Как это сделать я не понимаю.

– Я пригляжу за всем. Будьте покойны. Главное сохранить себя и встретиться вновь, – пообещал Жорж.

Они пожали руки и расстались, растворившись в тиши ночи.

... Ранним утром, когда еще только воробьи гурьбой несутся по мостовой в поисках пищи в конских лепешках, а солнце только подсвечивает горизонт блеском нового дня, Яков вышел из дома с небольшим баулом и медицинским саквояжем с инструментами. Он сел на соседней улице в трамвай и, последний раз оглянувшись на знакомый переулок, поехал на вокзал.

Впереди был путь скитаний, старого чувства страха и неприкаянности, помноженный на постоянные думы о семье, жене, детях и внуке. Будет тяжело, и чем этот путь закончится, Яков не знал и не пытался заглянуть в будущее, потому что понимал, что это сделать невозможно.

глава 10

Вот и пришел день Бобкова. Иван знал, что он придет обязательно. Это была, как её, «диалектика», о которой так часто он слышал, но пока не встречался. Но иначе и быть не могло, чтобы все эти мироеды, как клопы, повылазившие из щелей упивались своим достатком и благополучием пока трудовой народ сводит концы с концами, такого и быть не могло. Вот все и завершилось.

Мудрая политика народной власти реализовывалась на глазах. В короткое время все магазины, рестораны, кафе, лавки и прочие торговые точки оказались закрытыми.

Город затих, ожидая, чем все это закончится.

Бобков ждать не стал.

Минуя соблазнительные намеки Евдокии, пропевшей с дивана, при встрече после трудового дня, в розовом пеньюаре: «Ивашка, я твоя Дуняшка», он постучал в дверь с латунной табличкой.

Стучал долго и требовательно. Никто не ответил.

Он возвращался уже во двор, как ему навстречу из калитки вышла Дора.

Пришлось говорить на улице.

«Так даже лучше», – подумал он.

– Добрый вечер, соседка, – начал он вежливо, – я хотел поговорить. Дело в том, что новая у нас политика индустрии-

ализации – привычно произнес он, – а значит, НЭП закончился. Кабинет ваш уже не работает. Значит одну комнату надо освободить и передать мне, – быстро завершил он эту логическую с его точки зрения связь.

Дора ошарашено смотрела на него и молчала.

Бобков, ощущая непонимание и подступающее раздражение, продолжил

– Вас трое, правда мужа вашего я уже давно не вижу, но для троих, если в том толку нет и большая гостиная вам не нужна. А нам она понадобится, – заключил он.

Тут уже Дора не выдержала

–Нас в семье трое, а вас двое. Почему тогда вам нужно две комнаты, а нам одна? Это первое. Потом почему расселением в доме занимаешься ты, а не учреждения предназначенные для этого – это второе.

Третье, к нам переезжают бездомные родственники, которые без нас жить не могут. Нам может еще расширение понадобится, за счет соседских комнат, – мстительно завершила Дора и, повернувшись, пошла к себе.

Бобков был озадачен, но упрям.

На следующий день он пошел к Жоржу.

Тот выслушал его молча и пообещал подумать.

... Прошла уже неделя после отъезда Якова.

Город жил в слухах и реальности, которые ему ничего хорошего не обещали. Люди жили с базара, привычно замерев в преддверии бури и ожидании последствий этой непогоды.

Жоржу надо было давно уехать, но он был занят то решением проблем с клиентами, то Катя настояла, чтобы он решил вопрос с пополнением запасов муки и круп. Катя оказалась права, и покупка была сделана вовремя. Через день после этого цены на продукты взлетели до небес.

Он только вчера, снял латунную табличку с двери на улице, а с нею будто часть собственной кожи и погасил лампаду, освещавшую собственное будущее.

... Жорж поговорил с Дорой и сумел ее убедить в том, что одной комнаты ей с Борисом хватит, а когда приедет Яков, то они вернутся к вопросу с возвратом бывшего кабинета. Сейчас он будет стоять пустым и только подогревать Бобкова. А тот способен на любую пакость, чтобы завладеть им.

Дора заплакала, как будто предвидела, что жить в прошлом состоянии ей уже не удастся никогда.

На следующий вечер, Жорж сообщил Бобкову, что бывший кабинет будет передан ему во временное пользование, как комната Жоржа.

– Эта комната моя. В домовоей книге за тобой одна комната. У Штейнов, две и у меня две. Я согласен временно передать её тебе, но ты будешь мне платить за аренду комнаты, как снятую внаём. Или принеси новый ордер на две комнаты, но получить ты его не сможешь, вас в семье всего двое, – сказал Жорж Бобкову и смотрел на него, ожидая ответа.

Бобков знал, что получить ордер на новое подселение у него не получится. Платить за новую площадь ему не хоте-

лось. Это неразрешимое противоречие бесило его и делало Жоржа для него лютым врагом, стоящим у него на пути.

– Я буду платить тебе за комнату, пока не появится ребенок, – решил проблему Бобков.

– Плодитесь и размножайтесь, – согласился Жорж и они ударили по рукам.

Довольный Бобков вернулся домой и сообщил о новости Дуньке. Она долго обдумывала эту новость

– Так откуда мы детей возьмем, – не поняла она. Ты на работе, я вся в хлопотах по дому.

– Так вот сейчас и займемся, – пообещал ей Бобков и понял, что ему предстоит нелегкая жизнь и работа по увеличению количества членов семьи.

Настроен он был решительно, но понимал, что результата ждать придется долго и это его обескуражило вконец.

Он обреченно уткнулся в горячее плечо Дуньки и от огорчения заснул...

глава 11

Дора простилась с Яковом, казалось, только вчера, а пошел уже пятый год его отсутствия.

От Якова за все это время было два письма. Одно о том, что он в большом городе устроился на работу по специальности и снимает комнату у коллег.

Второе письмо было о том, что он сменил город, работу, жилье и живет в глухой провинции очень далеко, а письмо это отвезут и бросят в почтовый ящик по дороге, где придется.

На конвертах были штампы каких-то незнакомых пунктов отправления и яснее не становилось. Она понимала, что письма говорят о жизни Якова не все. Главное она не чувствовала его настроение и не знала о чем он думает и реально хочет.

Все это не давало Доре надежды на скорую встречу. Наоборот она понимала, что Яков тонет в неведении и не знает, когда и как он сможет вернуться. Живя здесь, она только видела, что ему не стоит возвращаться. Она хорошо запомнила, как к ним приезжали на машине люди с бумагой на ликвидацию кабинета и на арест Якова. Кабинет опечатали. Оборудование конфисковали и изъяли. Комната стояла пустой, пока пронырливый Бобков не соединил её со своей квартирой и непонятно какими путями снял с неё арест.

Теперь она и Борис жили в одной комнате, где хорошо слышала по ночам, как Бобковы работали над увеличением числа членов семьи. В дуняшкиных демонстративных столах было больше злорадства победившей гопоты, чем естественной страсти и от этого они были еще омерзительней и грязнее.

Жизнь, последние годы легкая и праздничная, снова стала тусклой и тяжелой.

Надо было зарабатывать на пищу и жизнь. Появились продуктовые карточки. У них были самые малообеспеченные – №3. Бывало, что в лавке их не отоваривали и надо было умудриться до конца месяца поймать момент, когда можно было хоть что-то получить. Это отнимало время и нервы. Народ стал крикливым и злым. В очередях бывали драки. Можно было услышать все, после чего стоять не хотелось, но надо было. И так повсюду. Боря рос не по дням. Требовалось добывать или перешивать одежду, искать обувь. Надо было каждый день думать о том, чем кормить сына.

Это заставляло её искать возможность заработать. Где и чем могла. Она подрядилась стирать в семьях, которые могли себе позволить прачку. Ходила убирать квартиры функционеров и военных. Бралась за продажу чужих вещей на базаре. Но за все это платили мало и нерегулярно. Если бы не помощь Рахили и Кати, то они давно уже бы протянули ноги.

Катя носила им еду, а Рахиль иногда давала деньги, которых хватало в обрез.

Дора стала как бы меньше ростом, незаметнее и тише. С тоской взирающая на текущую мимо жизнь, и перебирая прошедшее, как четки памяти, она жила прошлым. Она не улыбалась, и только глядя на Бориса, иногда светилась от чувства любви к нему.

Рахиль не требовала к себе внимания, и Доре казалось, что она счастлива. Только Катя пыталась иногда показать, что у дочки есть проблемы, но она этого не понимала, или не хотела взвалить на себе еще одну неподъёмную ношу.

Она жалела себя и в себе ту жизнь, в которой она была счастлива дни, а несчастлива годы. Ей казалось, что судьба несправедлива к ней. Эта жалость делала её слабой и податливой. Она начинала думать о том, что могла бы еще устроить свою жизнь, для этого надо только захотеть и решиться, но тут же корила себя за эти мысли. Словно в шпигате, раздираемая чувствами и жизненными обстоятельствами, она повисла над бездной жизни и со страхом всматривалась в её темноту далеко внизу.

Она ждала писем, как манну небесную, а их не было. Она жила в неведении, а жизнь в неизвестности и немоте, самое страшное, что может подарить человеку его судьба, и она терпела, иногда ночами, чтобы не слышал Боря, плакала в подушку и утром просыпалась с надеждой, что все еще образуется.

Время капель за каплей наполняла чашу ее жизни тоской и печалью.

глава 12

Для внука Хикмета – Ленура, и сына Якова – Бориса, их настоящее было началом большого и прекрасного путешествия, имя которому жизнь.

Дети учились в одном классе, ходили в школу вместе. Делали уроки, играли, гуляли, радовались и горевали вместе и незаметно для себя повзрослели.

Они стали самыми близкими на свете людьми, неожиданно для себя научившимися прощать друг другу промахи, не помня зла и обид.

Борис пропадал в доме Ленура так часто, что стал своим. Дом Ленура был наполнен покоем и теплом внимания бабушки Деляры и дедушки Хикмета. А свой дом был заполнен тоской и ожиданием.

Хикмет к тому времени уже вновь заколотил будку сапожника и работал потихоньку дома. С весны до зимы он сидел за сеткой, окруженный курами и ремонтировал обувь. К нему приходили люди с мелким ремонтом, платили копейки, но ему этого было достаточно. Абдулла помогал ему в поисках подсобного материала, а иногда приводил клиентов.

Неожиданно для себя Борис через некоторое время заметил, что стал понимать язык, на котором говорят в доме Ленура. Дедушка Хикмет, иногда проходя мимо, ерошил ему волосы на голове, приговаривая: «вот и заговорил, моисеево

семя» и довольный кряхтел.

Друзья много играли. Это были игры, которые не требовали чего – то особенного: клок бараньей шерсти на свинце – назывался «зоска».

И они с остервенением набивали кто больше этот клок, подбрасывая его снова и снова ногой в воздух.

Рикошет свинцового битка от стены и выигрыш чужих монет с их переворотом – долгий и крикливый до хрипоты споров «обстенков».

Это были игры, в которые они могли вдвоем увлеченно играть подолгу.

Игры выносили их за пределы двора в квартал ближайших хитросплетений улиц. В эти кривые, погруженные в вековую дремоту свидетели ушедшего времени. Они бегали по ним, утопая по щиколотку в пыли дорог, петлявших среди домов, видевших маленькими оконцами еще когорты римлян, конницу Батыя и Гирея, гренадеров Потемкина, отражая в них ушедшее время.

Проходные дворы их детства, будто проносили сквозь чужую жизнь в них, как сквозь черные дыры пространства и времени из настоящего в прошлое...

Они кружили в них, подолгу пребывая в неведении, где они и как однажды, если у них получится, вернуться назад.

Война одной улицы против всех других прививала им умение уже в их годы договариваться, искать компромиссы, хитрить и обманывать, добиваясь желаемого результата. Но

если и этих приемов было недостаточно, то в жестокости своих детских лет они не знали пощады и не ждали ее от других.

Это делало их жизнь очень похожей на взрослую, во многом опережая настоящую, готовя к будущему...

... Однажды, катаясь зимой с пригорка двора на санках, Ленур в стене дома соседнего двора, тыльной своей стороной замыкающем пространство от калитки до дома Хикмета, вдруг впервые увидел единственное окно, а в нем девичье лицо. Он почувствовал, как игла печали больно ранила его сердце. Это было первое трогательное чувство, которое надолго, если не навсегда пленяет человеческую душу, делая её своей заложницей. Это было словно в сказке: принцесса в высоком окне замка, с печалью выглядывающая рыцаря с надеждой на своё освобождение.

Через некоторое время Ленур узнал, что это дочка закройщика-портного Тактака. Понадобилось много времени, хитрости и старания, чтобы однажды с бабушкой Делярой попасть в этот дом.

Бабушка взяла его к портному подогнать по росту новые брюки.

Они вошли в соседний двор, многолюднее и больше их старого. Поднялись по лестнице на длинную веранду второго этажа того самого дома и бабушка постучала.

Дверь открыл хозяин.

– О, Деляра – ханум, – радушно встретил он их. В квартире плавал полумрак, и только большая лампа освещала стол,

на котором лежала материя, мелки, нитки, ножницы и иголки.

Портной обмерил Ленура, приговаривая: «Так-так. Вот так молодой человек, это будет хорошо, так-так». Только тогда он понял, почему портного так странно называют – Так-так.

Называй меня Моисей Израилевич, – улыбнулся тот ему на прощание. – Приходи завтра.

На следующий день Ленур оделся тщательнее, чем обычно. Он вымыл ноги и надел сандалии, рубашку и штаны. Причесался. Посмотрел в зеркало, изучая себя. Бабушка Деляра заинтересованно наблюдала за ним, а потом спросила.

– Ты никак собираешься за брюками?

– Да, бабушка, мне надо зайти к портному, а я не понимаю, как себя вести?

– А ты води себя как взрослый мужчина, ведь тебе уже 13 лет, а твой дедушка и отец в этом возрасте принимали самостоятельные решения, – сказала бабушка и задумалась.

– А как ведут себя мужчины, если у них одна единственная цель вернуть свои штаны, – недоуменно спросил Ленур.

– Неважно, зачем ты приходишь в дом, самое главное – это не потерять свое достоинство. Вот в чем секрет настоящего мужчины, – подвела итог бабушка Деляра и улыбнулась. – А за работу я уже рассчиталась, так что не переживай.

Когда Ленур вошел в дом портного, тот радостно, будто ждал его весь день, потирая руки и приговаривая «так-так-

так-так» подвел к столу. На нем лежали брюки Ленура.

– Ты извини, – начал портной, – я не успел их выгладить, – и вдруг крикнул, – Руфь, кому я говорю, принеси с кухни горячий утюг.

Дверь во вторую комнату открылась, и Ленур увидел одинокое окно в свой двор и на его фоне девочку. Ту самую девочку, которая волновала его уже много дней. Тонкая, нескладная с большими серыми глазами и большим ртом, с копной курчавых темных волос, стояла в проеме двери и смотрела на него.

– Руфь, – повторил Тактак, – я жду утюг. Он на плите.

– Да, папа. Иду. – И она, молча, чуть не задев Ленура, поделившись с ним едва уловимыми запахами девичьего волшебного мира, прошла мимо.

Ленуру бы для собственного достоинства надо было отказаться от утюга и, сославшись на умение, удалиться. Но он стоял как вкопанный, не в силах произнести хотя бы слово. Он растерянно вспоминал о достоинстве настоящего мужчины, но где оно находится и как его найти – это уже было выше его сил.

Руфь появилась с чугунным утюгом в руках, и этот утюг был в глазах Ленура как факел угасшей надежды, переданный в руки её отца.

– Спасибо, – вдруг очнулся он, – я примерю дома и зайду еще. – С этими словами он выбежал с брюками в руках.

Дома бабушка оглядела его и нашла его выше всяких по-

хвал.

– Носить тебе их не переносить, пока не подрастешь снова. Но и там еще есть запас и Тактак удлинит их если надо. – Она была довольна и предусмотрительна.

– Бабушка, а ты знаешь, как зовут Тактака? – Вдруг спросил Ленур бабушку.

Она удивленно и как-то особенно посмотрела на внука.

– Как не знать! А почему ты спрашиваешь?

– Ты его зовешь Тактаком, а его имя Моисей Израилевич, – с вызовом продолжал Ленур.

– Я знаю его имя, а ты слышал, чтобы я к нему обращалась Тактак?

Ленур задумался, но врать не стал.

– Нет, не слышал, – признался он.

– Потому что я сохраняю своё достоинство, понимаешь? Это когда не унижают другого человека в первую очередь, чтобы не унижить себя! С тобой я могу пошутить, «тактак», но это не унижает ни его, ни нас. Правильно? – Бабушка смотрела на Ленура в ожидании, и тому осталось только согласиться с ней.

– А главное, что достоинство всегда идет рядом с состраданием. Это когда у тебя есть силы поделиться половиной того, что для тебя необходимо. Краюхой хлеба, чувяками, едой, деньгами. Это трудно, но это всегда вернется к тебе с наградой за твою доброту, – бабушка как-то грустно и с надеждой смотрела на Ленура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.